

УДК 929(47+57)
ББК 63.3(2)6-8
Ж91

Журавлев, Павел Александрович.

Ж91 Двести встреч со Сталиным / Павел Журавлев. — Москва : Родина, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-00180-473-4

Период жизни нашего народа и государства, связанный с именем и деятельностью И. В. Сталина, вызывает живейший интерес у всех, кого волнует сегодня прошлое Отечества, и будет всегда привлекать внимание своей масштабностью и трагизмом событий, героизмом и величием свершений.

Автор этой книги П. А. Журавлев на протяжении более трех десятков лет собирал материалы о личных встречах со Сталиным выдающихся деятелей сталинской эпохи. В результате у него образовалось «досье» о встречах со Сталиным полководцев Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева, К. А. Мерецкова, К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного; наркомов А. И. Шахурина, И. Т. Пересыпкина, А. Г. Зверева; конструкторов А. С. Яковлева, В. Г. Грабина; дипломатов А. А. Громько, В. М. Бережкова; известного полярника И. Д. Папанина, писателя К. М. Симонова — и многих других государственных деятелей, ученых, представителей советской культуры.

Описания встреч с И. В. Сталиным начинаются еще с дореволюционной поры, с 1906 года, и заканчиваются последним годом жизни Сталина — 1953-м.

УДК 929(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-00180-473-4

© Журавлев П.А., 2022
© ООО «Издательство Родина», 2022

Я знаю, что, когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. Но я уверен, что ветер истории все это развеет.

И.В. Сталин

К ЧИТАТЕЛЯМ

Период жизни нашего народа и государства, связанный с именем и деятельностью И.В. Сталина, вызывает живейший интерес у всех, кого волнует сегодня прошлое Отечества, и будет всегда привлекать внимание своей масштабностью и трагизмом событий, героизмом и величием свершений.

Сложная, неоднозначная и трагическая личность самого И.В. Сталина, оказавшего серьезное влияние на ход мировой истории, станет темой всестороннего исследования еще не одного поколения как отечественных, так и зарубежных историков.

В 1953 году, когда умер И.В. Сталин, мне было 28 лет. Я, как и большинство моих сограждан, воспринимал его смерть как личное горе. Всех тогда охватило беспокойство о том, что будет дальше с нами и нашей страной, поколебалась уверенность в будущем. В нашем восприятии Сталин был человеком, возглавлявшим государство в течение долгих тридцати лет. Под его руководством это государство не только одержало победу в тяжелейшей войне с фашистскими захватчиками, но и проявляло постоянную заботу о своих гражданах, обеспечивало их работой, общедоступными бесплатными здравоохранением и образованием, стремилось обеспечить всех бесплатным жильем и детскими учреждениями и т. д. Я сам, рано оставшись без родителей, смог в нашем государстве без «взятки» и «мохнатых лап» получить высшее образование и интересную престижную работу в атомной промышленности, где очень скоро стал руководителем одного из важных коллективов.

После XX съезда КПСС у меня, как, наверное, и у многих людей моего поколения пробудился повышенный интерес ко всему, что могло бы помочь понять и осознать происшедшее и происходящее. Особое внимание привлекли начавшие выходить в те годы публикации с воспоминаниями людей, принимавших непосредственное участие в важнейших государственных, политических и военных событиях недавнего прошлого и близко знавших и лично встречавшихся с И.В. Сталиным и описавших эти встречи в своих мемуарах. Интерес этот был обусловлен тем, что однозначного поворота в моем сознании с «белого» на «черное» не произошло. Понимание грандиозности и величия свершенного И.В. Сталиным не допускало во мне такой метаморфозы. Ведь даже Уинстон Черчилль, выдающийся государственный деятель XX века, непримиримый идеологический противник Сталина, организатор интервенции против молодой Советской России, идеолог «холодной войны» и, в то же время, волею исторической судьбы соратник Сталина по борьбе с фашизмом во Второй мировой войне, уже после смерти И.В. Сталина и после XX съезда КПСС, 23 декабря 1959 года в речи, произнесенной в английском парламенте в связи 80-летием Сталина сказал:

«Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелейших испытаний Россию возглавил гений и непоколебимый лидер И.В. Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции, несгибаемой силы воли, резким, жестоким, беспощадным и, как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог противостоять. Сталин обладал чувством юмора и сарказма, а также способностью четко выражать свои мысли. Статьи и речи он писал сам, и в его произведениях всегда звучала исполинская сила, эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался непревзойденным среди руководителей государств всех времен и народов. Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил на Ялтинскую конференцию, все мы, словно по команде, встали, и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые критические моменты, а также в моменты торжества был

одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставил даже нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире диктатором, он принял Россию с сохой, а оставил ее оснащенной атомным оружием. Нет! Что бы ни говорили о нем, таких история, народ не забывает!»

В 1968 году во время прочтения первой книги С. М. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны» я начал заносить в тетрадь описания личных встреч с И. В. Сталиным и не изменял этому «хобби» в течении более трех десятков лет. За это время в результате прочтения многих десятков мемуаров у меня образовалось «досье» на двести с лишним встреч.

Ю.А. Горьков в книге «Кремль. Ставка. Генштаб» опубликовал «Выписки из Журналов посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете» за 1935—1945 годы. Только в первые дни войны, когда И.В. Сталин «растерялся и пьянствовал на даче», он принял — 22 июня — 28 человек, 23 июня — 21, 24 июня — 20, 25 июня — 29, 26 июня — 29, 27 июня — 28, 29 июня — 21 и т.д. Вот так «растерялся»!

Среди лиц, рассказавших о своих неоднократных или единичных личных встречах с И.В. Сталиным, военачальники Г.К. Жуков, А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, К.А. Мерецков, С. М. Штеменко, Н.Г. Кузнецов, Н.Д. Яковлев, К.Е. Ворошилов, СМ. Буденный, П.А. Ротмистров и др., наркомы-министры А.И. Шахурин, И.Т. Пересыпкин, А.Г. Зверев и др., политические деятели А.И. Микоян, Н.С. Патоличев, Н.М. Пегов, А.С. Чуянов и др., создатели военной техники А.С. Яковлев, В.Г. Грабин и др., дипломаты А.А. Громыко, В.М. Бережков и др., известные полярники И.Д. Папанин и К.С. Бадигин, писатель К.М. Симонов, а также другие выдающиеся люди.

Описания встреч с И.В. Сталиным в 1906—1953 годах этих, интересных самих по себе личностей, расположенные в хронологическом порядке, и составили настоящую книгу.

К сожалению период до 20-х годов представлен слабо из-за недоступности мемуарной литературы по тому времени.

Ныне вновь наступило время, когда люди разных поколений и возрастов, в том числе и молодые, стали проявлять интерес как к подлинной истории нашего Отечества, так и к лич-

ности И.В. Сталина. Так, в марте 2000 года в Санкт-Петербурге на научной конференции, посвященной 120-летию И.В. Сталина и мартовской годовщине его кончины, с участием большого количества молодежи, было сказано: «У современной молодежи украли подлинного Сталина».

На удовлетворение в какой-то степени этого интереса и рассчитан материал книги.

П.А. Журавлев

Часть I

ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(1906—1924)

1906 год

К.Е. Ворошилов, апрель 1906 года

На IV съезде РСДРП в издательстве «Вперед» нам доверительно сообщили, что из-за жестоких преследований революционеров по всей России созвать съезд внутри страны нет никакой возможности и что единственный выход — провести его за границей, в Стокгольме. <...>

В стокгольмском порту меня встретил наш человек и определил на жительство в небольшую комнатку на 2-м этаже одного из домов, в нижнем этаже которого располагалось какое-то питейное заведение — не то бар, не то ресторан. В эту же комнату вскоре поселили еще одного делегата съезда, по фамилии Иванович. Это был коренастый, невысокого роста человек, примерно моих лет, со смуглым лицом, на котором едва заметно выступали рябинки — следы, должно быть, перенесенной в детстве оспы. У него были удивительно лучистые глаза, и весь он был сгустком энергии, веселым и жизнерадостным. Из разговоров с ним я убедился в его обширных знаниях марксистской литературы и художественных произведений, он мог на память цитировать полюбившиеся ему отрывки политического текста, художественной прозы, знал много стихов и песен, любил шутку.

Мы подружились, и вскоре я узнал, что мой новый друг является грузином и зовут его Иосифом Виссарионовичем Джугашвили; он представлял на съезде грузинских большевиков и сам являлся непримиримым ленинцем. Так волею случая много десятков лет назад довелось мне впервые встретиться с человеком, который в дальнейшем под именем Сталина прочно вошел в историю нашей партии и страны, в историю международного коммунистического и рабочего движения. Долгие го-

ды после смерти В.И. Ленина он возглавлял Центральный Комитет нашей партии, а в годы Великой Отечественной войны — Советское правительство и Вооруженные Силы СССР. Мне после этого не раз пришлось встречаться с ним, а после победы Октябрьской революции вместе воевать против бело-гвардейщины и иностранной интервенции, вместе с ним участвовать в работе высших органов партии и государства. Он прожил большую и сложную жизнь, и хотя его деятельность была омрачена известными всем крупными ошибками, я не могу говорить о нем без уважения и считаю своим долгом в последующем изложении своих воспоминаний, где это будет необходимо, правдиво сказать о нем все, что знаю и что навсегда сохранилось у меня в памяти.

К тому времени И.В. Джугашвили (Сталин) уже активно проявил себя как видный деятель большевистского направления в Закавказье, находился в заключении в Батумской и Кутаисской тюрьмах, был сослан в Восточную Сибирь и бежал из ссылки. На съезде он твердо отстаивал ленинскую линию на вооруженное восстание. Выступая на одном из заседаний съезда, он очень четко и ясно определил сущность наших расхождений с меньшевиками: «...или гегемония пролетариата, или гегемония демократической буржуазии — вот как стоит вопрос в партии, вот в чем наши разногласия».

*К.Е. Ворошилов. Рассказы о жизни.
Политиздат, М., 1971. С. 247—248.*

1907 год

К.Е. Ворошилов, 13.05 — 01.07.1907 года. (V съезд РСДРП)

Как и на IV съезде, В.И. Ленин почти каждодневно встречался с большевистской частью делегатов на фракционных собраниях. Эти сборы не имели официальной повестки и специального председателя, а скорее всего походили на товарищеские беседы единомышленников. <...>

Вспоминается первый такой сбор нашей большевистской фракции в Лондоне перед началом работы V съезда. Владимир Ильич попросил нас, делегатов с мест, сообщить о настроении в местных партийных организациях, о наказах, данных ими

своим делегатам, и высказать свои соображения о том, как распределяются голоса большевиков и меньшевиков в составе делегаций от различных районов страны. Сообщения сделали представители из Петербурга, Москвы, Урала, Кавказа; я очень коротко доложил о представителях Донбасса. Владимир Ильич внимательно слушал нас и делал какие-то записи в свой блокнот. Иногда он выражал сомнение в оценке того или иного товарища.

— Мы должны твердо знать, — сказал он, — кто будет поддерживать подлинно революционные требования, кто выступит против них и кто проявит колебания, примкнет к центристам, «болоту». По мере возможности мы будем переубеждать их, перетягивать на свою сторону.

На этом собрании я вновь встретился с Ивановичем (Иосифом Джугашвили — И.В. Сталиным), который участвовал в работе съезда с совещательным голосом. Мы сидели с ним в разных местах, он меня узнал и приветливо кивнул. А когда начался подсчет голосов в группе Кавказских делегатов, он внес свою поправку в сообщение М.Г. Цхакая, сообщив, что двое из делегатов, отнесенных им к меньшевикам, на самом деле еще не определили четко своих позиций и вполне возможно, что один из них будет примыкать к «болоту», а другого есть вероятность склонить на сторону большевиков. Чувствовалось, что Иванович хорошо знает близких ему людей, разбирается в их настроении и со знанием дела определяет свое мнение о том или ином человеке. В ходе работы он твердо стоял на ленинских позициях.

*К.Е. Ворошилов. Рассказы о жизни.
Политиздат, М., 1971. С. 350—351.*

1917 год

С.И. Гоннер, 21 апреля 1917 года

На апрельской конференции я впервые увидела и услышала Сталина. Во время обсуждения доклада Ленина о текущем моменте нам объявили, что сейчас один товарищ, который присутствовал на совместном заседании президиума Петроградского Совета и Временного правительства в Мариинском дворце, сделает информацию об этом заседании. Это

были дни, когда еще не был ликвидирован первый кризис Временного правительства.

С информацией об этом совещании в Мариинском дворце выступил Сталин. В речи — простой, отличавшейся четкостью, лаконичностью — Сталин очень красочно рассказал, как министры — Гучков, Шингарев и Милоков ультимативно требовали прекращения большевистской агитации, обуздания солдат, крестьян и революционных рабочих, грозя отставкой. Метко звучали его слова о том, что Гучков и Миллюков «хотели маленькой революции для большой победы». Факты, сообщенные Сталиным, хорошо иллюстрировали ленинскую оценку Временного правительства.

*С.И. Гоннер. Апрельская конференция.
Сборник «Октябрю навстречу». Лениздат, 1987. С. 85—86*

1919 год

И.В. Тюленев, 17 ноября 1919 года

17 ноября 1919 года Реввоенсовет Республики по докладу командования Южного фронта принял решение о переименовании 1-го конного корпуса Южного фронта в Конную армию РСФСР. В Реввоенсовет армии вошли К.Е. Ворошилов и Е.А. Щаденко, а затем бывший секретарь Царицынского комитета РКП(б) С.К. Минин.

Для официального оформления этого акта в село Великая Михайловка Старо-Оскольского района, где находился штаб корпуса, прибыло командование Южного фронта — А.И. Егоров и И.В. Сталин.

На объединенном заседании Реввоенсовета Южного фронта и корпуса командующий фронтом Александр Ильич Егоров зачитал приказ о переименовании 1-го конного корпуса Южного фронта в Конную армию РСФСР.

— Отныне, — сказал он, — штаб корпуса принимает на себя функции армейского организма и становится штабом Конной армии. Прошу врид начальника штаба Первой Конной армии С.А. Зотова доложить командованию Южного фронта обстановку и те задачи, которые выполняют части армии. <...>

Члены реввоенсовета фронта одобрили доклад Зотова. И.В. Сталин сказал в заключение:

— Наша задача состоит в том, как правильно доложил товарищ Зотов, чтобы рассечь фронт противника на две части, не дать войскам Деникина, находящимся на Украине, отойти на Северный Кавказ. В этом залог успеха. И эту задачу командование фронта возложило на Первую Конную армию.

Задача очень ответственная, она потребует максимума сил и напряжения. Конной армии придется идти через Донбасс, где может не быть фуража. Но ее будет встречать пролетариат Донбасса, который ждет Красную Армию и отдаст все, что может... Руководство фронта примет, в свою очередь, меры к тому, чтобы обеспечить Конную армию всем необходимым.

На этом заседании СМ. Буденному было вручено Почетное революционное оружие (шашка) с орденом Красного Знамени на нем, а С.А. Зотову — золотые именные часы.

И.В. Тюленев. Через три войны. Воениздат, М., 1972. С. 89—90.

1920 год

К.А. Мерецков, май 1920 года

12 мая в РСФСР вновь ввели военное положение. <...> Сворачивались занятия на командирских курсах, и молодых красных офицеров досрочно направляли в действующую армию. Опустела и наша академия. В мае большая группа слушателей была откомандирована в Харьков, где находился штаб А.И. Егорова.

До Харькова мы добирались кто как мог. Одна из групп «академиков» (как нас называли в шутку) попала в вагон, который прицепили к поезду члена Реввоенсовета фронта И.В. Сталина. <...>

Прибыв в Харьков, мы отправились в штаб фронта. Его начальник Н.Н. Петин не пожалел для нас доброго часа. Он обстоятельно рассказал об обстановке, ввел в курс событий и упомянул, что служить мы будем в 1-й Конной армии. <...> И мы с нетерпением ждали минуты, когда вольемся в этот коллектив, овеянный боевой славой. Но начштаба повел нас сначала к командующему фронтом. Александр Ильич тепло напутствовал молодых генштабистов, после чего с нами пожелал встретиться И.В. Сталин.

В комнате Сталина беседа текла дольше. Мы сидели и отвечали на вопросы, а член Реввоенсовета фронта ходил, покручивая в руках трубку, неторопливо задавал вопросы, выслушивал ответы и снова спрашивал.

Сотни раз с тех пор беседовал я со Сталиным и в похожей и в иной обстановке, но, конечно, в тот момент о будущем я не мог и подозревать. Кто бы мог подумать, что наступит время, когда мне доведется в качестве начальника Генштаба, заместителя наркома обороны и командующего фронтами разговаривать с этим же человеком — Генеральным секретарем ЦК нашей партии, Председателем Совета Народных Комиссаров и Верховным Главнокомандующим! Однажды уже после Великой Отечественной войны, Сталин спросил меня: «Товарищ Мерецков, а с какого времени мы, собственно говоря, знакомы?» Я напомнил ему о поезде Москва — Харьков и о майской беседе 1920 года. Сталин долго смеялся, слушая, как я тогда удивился, что первый вопрос, который он задал группе генштабистов, касался того, знакомы ли мы с лошадьми. Действительно, разговор шел в тот раз сначала примерно такой:

— Умеете ли вы обращаться с лошадьми?

— Мы все прошли кавалерийскую подготовку, товарищ член Реввоенсовета.

— Следовательно, знаете, с какой ноги влезать в седло?

— А это кому как удобнее! Чудаки встречаются всюду.

— А умеете перед седловкой выбивать кулаками воздух из брюха лошади, чтобы она не надувала живот, не обманывала всадника, затягивающего подпругу?

— Вроде бы умеем.

— Учтите, товарищи, речь идет о серьезных вещах. Необходимо срочно укрепить штабы 1-й Конной армии, поэтому вас туда и посылают. Тому, кто не знает, как пахнет лошадь, в Конармии нечего делать!

*К.А. Мерецков. На службе народу.
Политиздат, М., 1968. С. 49, 50—51.*

С.М.Буденный, 17—21 декабря 1920 года

В Москве открывался VIII Всероссийский съезд Советов. Мы с Клементом Ефремовичем были избраны делегатами съезда. <...>

Утром 17 декабря мы поездом отправились в Москву. Радовались, что снова увидим Владимира Ильича, горячо обсуждали, о чем нужно в первую очередь доложить ему, какие вопросы поставить перед ЦК и правительством. Приехали в Москву под вечер. <...>

На другой день мы решили связаться со Сталиным. Было три человека, которые, на наш взгляд, больше других заботились о 1-й Конной армии, — Ленин, Калинин и Сталин. Мы всегда ощущали их помощь. Позвонили Сталину на квартиру — жил он в Кремле. Слышу в трубке его голос:

— Товарищ Буденный? Знаю о вашем приезде. Приходите, жду. И Ворошилов с вами? Жду обоих.

Сталин тепло принял нас и сразу забросал вопросами: как идет борьба с бандитизмом на Украине, как разворачивается посевная кампания, налажена ли связь с местными партийными и советскими органами, чем живут конармейцы, обсудил ли Реввоенсовет армии вопросы дальнейшего состояния 1-й Конной... Когда мы закончили доклад, он сказал:

— Красная Армия не только верный страж народа, но и верный помощник в труде. Когда пахарь-крестьянин и боец работают на одном поле, работают дружно, рука об руку, тогда крепнет союз армии и труда.

— И я так понимаю, Иосиф Виссарионович.

— Владимир Ильич очень обеспокоен положением дел на Украине. Бандитские отряды Махно надо во что бы то ни стало разбить до весны, дать трудовым селянам Украины возможность организованно и в срок провести сев. У меня был разговор со Скланским. Говорят, что отряды Махно ускользают от 1-й Конной. Так ли?

Я объяснил обстановку. Сталин, попыхивая трубкой, подошел ближе, положил руку на мое плечо.

— Семен Михайлович, Владимир Ильич очень вас ценит и то, что Врангель был успешно разбит — большая заслуга и вашей Конной армии. Уверен, что с махновцами быстро справитесь. Только никому не говорите, что вас хвалим, а то еще сглазим, — шутливо добавил он.

22 декабря мы раньше других поспешили в Большой театр, где проходил съезд.

*С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.
Воениздат, М., 1973. С. 179, 180—181.*

1922 год

А. И. Микоян, 13 января, 5—6 февраля 1922 г.

<...> 12 января на мое имя пришла телеграмма с предложением немедленно выехать в ЦК. Для решения вопроса о моей поездке собралось бюро губкома. Из телеграммы не было ясно, с какой целью меня вызывают и надолго ли. Бюро разрешило мне выехать, но в случае долгого отсутствия, я должен был сообщить губкому о причинах задержки. <...>

13 января был уже в столице. В ЦК мне сказали, что меня хочет видеть Сталин и что мне следует пойти к нему на квартиру в Кремль. Он жил в здании, на месте которого теперь стоит Дворец съездов. Сталин занимал две комнаты на первом этаже.

Принял он меня приветливо. Сказал, что вызвал и беседует со мной по поручению Ленина. Речь идет о работе по подготовке к очередному, XI съезду партии. Начал с вопроса о положении у нас, в нижегородской организации. Я коротко сообщил, что после длительной борьбы наша организация оздоровилась, сплотилась вокруг ленинских идей и уверенно идет к предстоящему съезду. Отдельные группки и лица, связанные со Шляпниковым, есть, но они уже не имеют особого значения.

Видимо, Сталин задал этот вопрос, чтобы как-то начать беседу, ибо в ЦК хорошо знали о положении в нашей организации. Поэтому он сразу перешел к делу.

Условия, сказал Сталин, в которых идет подготовка к XI съезду, коренным образом отличается от тех, которые были накануне X съезда. На горизонте не видно никаких разногласий и открытых группировок или политических платформ. ЦК не придает большого значения тому, что Шляпников с узкой группой своих сторонников, оторванный от масс, скрыто ведет групповую работу. Теперь уже он и его группа не представляют серьезной опасности, и если что-нибудь антипартийное возникнет, то быстро провалится.

Главная опасность может идти от Троцкого и его сторонников. Но пока они ведут себя тихо. Никаких заметных разногласий, могущих отразиться на партии, нет. Конечно, от Троцкого можно всего ожидать. До съезда остается еще два месяца. Он может выкинуть какой-нибудь политический трюк, но, по всему судя, это теперь маловероятно. Надо полагать, что скорее всего, он, наученный горьким опытом его поражения на

X съезде, изберет другую тактику: пойдет на съезд без разногласий, без платформ, демонстрируя полное единство. Этим он рассчитывает усыпить бдительность партии, восстановить свой авторитет, провести побольше своих сторонников в Центральный Комитет.

При отсутствии платформ и разногласий делегаты будут отдавать свои голоса за кандидатов в центральные органы партии (по соображениям только их персональных достоинств), предавая забвению прошлые принципиальные разногласия. И если в таких условиях в ЦК будет избрано относительно много бывших троцкистов, то это представит опасность для дальнейшей работы ЦК. Потом Троцкий может поднять голову, вызвать разногласия в ЦК и, опираясь на своих сторонников, всячески затруднять работу ЦК, мешать тому, чтобы партия под руководством Ленина сосредоточилась целиком на неотложных задачах, может начать борьбу против Центрального Комитета, как это уже было не однажды.

Поэтому, сказал Сталин, мы озабочены тем, какие делегаты приедут на предстоящий партийный съезд и много ли среди них троцкистов.

В этом отношении нас беспокоит Сибирь. Там еще довольно много троцкистов, они пользуются определенным доверием и влиянием в своих организациях, и поэтому есть опасность, что многие из них окажутся в числе избранных делегатов съезда.

— Вот почему, — сказал он в заключение, — Ленин поручил мне вызвать вас, рассказать об этой обстановке, и, если вы разделяете такой взгляд на положение дел в партии, то попросить вас съездить в Новониколаевск к Лашевичу, чтобы передать ему от имени Ленина все, что я вам здесь сказал...

Я без колебаний заявил, что согласен отправиться в Сибирь с этим поручением, но мне надо хотя бы на день заехать в Нижний Новгород. Сталин согласился. Кроме того, он сказал, что ехать в Сибирь мне следует как бы по личным, семейным делам, и особо предупредил, что обо всем, сказанном им, следует передать только лично Лашевичу.

— Дело в том, — сказал Сталин, — что секретарем Сибирского бюро ЦК сейчас работает Емельян Ярославский. Во время профсоюзной дискуссии он выступал против Троцкого, занимая правильные, ленинские позиции. После X съезда он работал некоторое время секретарем ЦК партии, но работал недостаточно удовлетворительно, и мы решили перевести его на должность секретаря Сиббюро ЦК. Его нынешние настрое-

ния, его позиции пока нам неизвестны. Поэтому, — сказал Сталин, — передайте поручение ЦК только Лашевичу: он сообщит, кому найдет нужным, и сделает практические выводы, чтобы среди сибирских делегатов оказалось поменьше троцкистов.

Я собрался было уходить, как вдруг дверь тихо открылась (это было вечером, уже темнело) и вошел Ленин. Поздоровался и, улыбаясь, смотря на Сталина и на меня с присущим ему одному прищуром глаз, в шутку сказал:

— Вы что, все свои кавказские разногласия обсуждаете?

Сталин ответил, что передал мне все, о чем было условлено, что я согласен и поеду через день к Лашевичу. Я был смущен этой неожиданной встречей с Лениным и, попросившись, поторопился уйти. Я находился под хорошим впечатлением от этой встречи со Сталиным. Спокойный, доброжелательный тон беседы, то, что провести ее со мной Ленин поручил Сталину, а не кому-либо из секретарей ЦК (в то время Сталин еще не был секретарем ЦК), а главное, то, что Ленин так запросто зашел к Сталину, особенно расположило меня к нему.

Заехав на день в Нижний, я вернулся обратно в Москву, получил в ЦК соответствующую экипировку для защиты от сибирских холодов и в тот же день уехал поездом в Новониколаевск. <...>

Лашевича на месте не оказалось: он был в отъезде. Я, понятно, решил ждать его возвращения. <...>

Через несколько дней вернулся Лашевич. Я тут же с ним встретился и рассказал о поручении, которое мне дано для него от имени Ленина.

Внимательно выслушав меня, он очень обрадованно сказал: «Хорошо, что вы приехали. Мы, как провинциалы ничего подобного даже не предполагали, и немало бывших троцкистов было бы у нас избрано на съезд. Но теперь мы это учтем. Передайте в Москве, чтобы Ленин не беспокоился за Сибирь».

Поездка в Сибирь заняла в общей сложности больше трех недель. Вернувшись, я снова побывал у Сталина, рассказал о выполнении данного мне поручения, об общем положении в партийных организациях Сибири, о своих впечатлениях, о людях, с которыми пришлось познакомиться.

В конце беседы Сталин сказал, что в ЦК есть мнение направить на работу в наш губком Угланова, работавшего до этого секретарем Петроградского губкома.

— Он не сработался там с Зиновьевым, пошли неприятности, и ЦК решил отозвать Угланова из Петрограда. Вместе с

тем, он способный, растущий партийный работник. Выходец из приказчиков, вступил в партию еще до революции. Имеет опыт руководящей партийной работы. Мы считаем целесообразным послать его к вам в Нижний. Он мог бы пока поработать у вас заворотделом вместо Коршунова, а со временем, когда пустит корни в вашей организации, а вам подойдет время перейти на другую работу, Угланов сможет вас заменить. А Коршунова мы направим в другую губернию...

Предложение об Угланове оказалось для меня неожиданным. Я не был с ним знаком, но Сталин так убедительно его рекомендовал, что у меня не могло возникнуть никаких возражений против его кандидатуры. К тому же я понимал, что после работы на посту секретаря одной из самых крупных партийных организаций страны с работой у нас Угланов, конечно, справится.

На том и порешили. Я вернулся в Нижний, а через несколько дней приехал Угланов.

*А.И. Микоян. В начале двадцатых...
Политиздат, М., 1975. С. 140—142, 143, 144—145.*

С. М. Буденный, 3—10 апреля 1922 года.

Сразу же после съезда, 3 апреля, состоялся Пленум ЦК партии, на котором И.В. Сталин был избран Генеральным секретарем Центрального Комитета РКП(б). Это я узнал от М.В. Фрунзе. <...>

Еще на съезде, когда Сталин беседовал с военными, он сказал, что хотел бы после съезда подробно поговорить со мной о кавалерии, о развитии в нашей стране коневодства и о других, как он сказал, «неотложных вопросах».

Желание Сталина побеседовать со мной было как нельзя кстати: судьба кавалерии, судьба коневодства в стране меня глубоко волновали. Я был рад предложению Иосифа Виссарионовича и сказал, что в любое время я могу зайти в ЦК.

— Зачем в ЦК, — улыбнулся Сталин. — Помните декабрь 1919 года, когда я приезжал в Велико-Михайловку и мы проводили первое заседание Реввоенсовета Конной армии?

— Помню, Иосиф Виссарионович.

— Вы тогда меня очень тепло встретили... А почему я должен вас обижать? Приходите ко мне домой.

— Хорошо, Иосиф Виссарионович.

Я долго не решался звонить Сталину. Теперь, после избрания его на пост Генерального секретаря, он был, конечно, страшно загружен. Не время сейчас говорить о кавалерии и коневодстве. Есть более важные вопросы. Лучше отложить нашу беседу на другое время. Возможно, я так и уехал бы. Но о моем разговоре со Сталиным узнал М.В. Фрунзе. Он сказал:

— Обязательно позвоните, настоятельно рекомендую. Сталин очень интересуется кавалерией. А теперь ему и по долгу службы надо заниматься вопросами строительства и укрепления Красной Армии.

Собравшись с духом, я позвонил Сталину. Ответ был коротким:

— Приходите, жду.

Когда я пришел, Сталин не сразу заговорил, давал мне возможность собраться с мыслями.

— Ну, как дискуссия? — спросил он. — Троцкий и его сторонники против военной доктрины, старая песня... — Он молчал, задумчиво раскуривая папиросу. — Владимир Ильич серьезно заболел, а обстановка в стране тяжелая. Переход на мирное строительство, ликвидация последствий войны — дело сложное, потребует от коммунистов больших знаний, практических навыков, умения организовать массы, возглавить массы и опереться на массы, и больше внимания мелочам, именно мелочам. Все великое строится из малого.

Сталин заговорил о взглядах Фрунзе на единую военную доктрину. Он сказал, что полностью разделяет точку зрения Михаила Васильевича.

— Красную Армию мы будем укреплять, поднимать ее боеготовность из года в год. И кавалерия нам еще крайне необходима, — продолжал Сталин. — Что нужно сделать для ее развития как стратегического рода войск? В этом вопросе вы человек более компетентный, чем кто-либо другой.

Я сказал, что конница находится сейчас в тяжелом положении и, чтобы видеть это, не надо быть большим теоретиком. Проводимая реорганизация кавалерийских соединений сводится, по сути дела, лишь к их сокращению, другие вопросы пока не затрагиваются,

— Какие же это вопросы? — спросил Сталин.

О них мы не раз сообщали Главкому и РВС республики, в частности, давно шла речь об увеличении числа орудий для кавалерийских частей, да и для всей армии, но все остается без изменения. В полку отдельной кавалерийской дивизии лишь два орудия, в полку отдельной кавбригады — одно.

— А у Пилсудского, как помнится, было шесть орудий? — спросил Сталин.

— Пять, Иосиф Виссарионович.

— Еще что вас тревожит?

При современных средствах наблюдения и поражения, говорил я Сталину, конница становится все более уязвимой с земли и воздуха. Важнейшее условие успеха ее атак — внезапность. Только при этом она наносит большой урон противнику. Стремительная атака конных масс наводит ужас на врага, подавляет волю к сопротивлению. Но условия для успешной атаки конница обязана подготовить сама. <...>

Опыт 1-й Конной убеждал в том, что в Красной Армии необходимо сохранить стратегическую конницу, действующую самостоятельно. Кроме того, конные части следует придавать стрелковым дивизиям. Реорганизация проводилась без достаточного учета опыта гражданской войны. Все это поставило конницу в очень тяжелое положение...

Сталин слушал меня не перебивая.

— Да, вижу, с кавалерией совсем худо, — сказал он. — Вам бы следовало вместе с Клементом Ефремовичем представить по этому вопросу специальное письмо. Но будем считать ваше сообщение за мнение Реввоенсовета 1-й Конной.

Я сказал, что если надо, то через неделю такое письмо представим. Сталин махнул рукой.

— Не будем терять времени. Лучше подумайте, как успешнее подготовить Боевой устав кавалерии. Дело это очень нужное.

Затем разговор зашел о коневодстве и коннозаводстве. Признаться, я не ожидал, что Сталин сведущ в этом деле. Он знал, сколько было в стране лошадей, сколько осталось после революции.

— Будем брать курс на полную механизацию народного хозяйства, в том числе, земледелия, — сказал Сталин, — но пока построим заводы, пока научимся делать машины, придется выезжать на лошади. Ныне она — главное средство производства. Поэтому развитие коневодства сейчас — важнейшая задача.

Я сказал Сталину, что, если не будут приняты чрезвычайные меры, мы обречем наше коневодство на страшный упадок. Помимо восстановления конского поголовья надо особое внимание обратить на улучшение качества лошадей, выделить для деревни достаточное количество племенных, кровных. Этим мы заинтересуем самих крестьян, которые охотно помогут нам, и тогда сможем закупать хороших лошадей для армии.

Сталин заметил, что на его взгляд, необходимо разработать единый государственный план использования племенного материала и расходования спецкредита.

— Но прошу учесть, — предупредил Сталин, — что нужно максимально использовать резервы на местах. А то у нас есть немало фактов, где на местах с лошадьё обращаются безобразно. Кстати, Семен Михайлович, тут в РВС Республики поступила жалоба. — И он многозначительно глянул на меня.

— Какая жалоба? — спрашиваю.

— На вас, Семен Михайлович. Говорят, вы самоуправством занимаетесь. Что там у вас в Ростове приключилось?

И тут я вспомнил. Однажды утром направляюсь в штаб округа. Вижу: на полном галопе скачет по тротуару кавалерист. Люди шарахаются от него в стороны. Крикнул кавалеристу, чтобы остановился и подъехал ко мне.

— Откуда? — спрашиваю.

Он назвал кавалерийскую часть и доложил, что ездил в штаб округа с донесением, а сейчас спешит в часть. Приказал кавалеристу слезть с лошади.

— Это что? — Я показал на окровавленные копыта лошади.

Она была не подкована, а конник гнал ее по камням.

Да, я был круг и суров к тем, кто по-варварски относился к лошадям. Поэтому тот случай не оставил без внимания. Приказал забрать у бойца лошадь, а самого арестовать на десять суток. Вот он и написал на меня жалобу: дескать, поступает Буденный на манер царского офицера.

Уже когда собрался уходить, Сталин сказал:

— Есть предложение, Семен Михайлович. Мы тут посоветовались в Реввоенсовете Республики и решили учредить должность помощника Главкома по кавалерии. Как вы на это смотрите?

— Я — за. Мера важная и нужная. Уверен, что это принесет большую пользу нашему общему делу — укреплению Красной Армии.

— Да, конечно, польза будет, но при одном условии — если на эту должность изберем знающего человека. — Он в упор посмотрел на меня. И вдруг сказал: — Вас рекомендуем, Семен Михайлович.

Я опешил и не сразу нашелся, что сказать. Предложение было по душе. Я смог бы вплотную заняться вопросами дальнейшего укрепления красной кавалерии. И в то же время вполне отчетливо сознавал и как командир, и как коммунист, что много еще незавершенных дел осталось на Северном Кавказе.

Сталин, конечно, заметил мое смущение.

— Вы не решаетесь принять эту должность?

— Иосиф Виссарионович, спасибо за доверие, но разрешите мне еще побыть командиром и членом Реввоенсовета округа. — И рассказал Сталину, почему считаю это необходимым.

— Ну что ж, — сказал Сталин, — понимаю вас. Основания для такой просьбы с вашей стороны вполне убедительны. Давайте отложим все на год.

*С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.
Воениздат, М., 1973. С. 291—295.*

А. И. Микоян, 25—30 апреля 1922 года

В конце апреля 1922 года у меня состоялась еще одна встреча со Сталиным. На этот раз речь шла о моей новой работе.

Сталин сказал, что в ЦК есть намерение выдвинуть меня на работу в качестве секретаря Юго-Восточного бюро ЦК ОКП.

Такое предложение было для меня неожиданным. Мне не хотелось тогда уезжать из Нижнего. Только что начал по-настоящему «влезать» во все нижегородские дела, меня узнали коммунисты и беспартийные рабочие, на последней партийной конференции мне выразили полное доверие. Работал я с большим увлечением, да и дела у нас пошли неплохо. В этих условиях срывать меня с места и посылать на совершенно новую, притом очень большую работу, с которой я, к тому же, мог и не справиться, казалось мне делом несвоевременным.

Поэтому, подумав, я сказал Сталину, что, конечно, ЦК вправе перебросить меня на другое место, но, откровенно говоря, мне хотелось бы еще некоторое время поработать в Нижнем. Это принесет мне как партийному работнику только пользу. Хотя за это время я и успел вникнуть во многие вопросы партийного руководства промышленностью, сельским хозяйством и советским строительством, тем не менее еще не чувствую себя в этом отношении достаточно сильным и мне полезно набрать еще опыта.

Сталин слушал меня очень внимательно, а потом сказал:

— Ты только не прибедняйся. В Нижнем уже многое сделано. Организация заметно выправилась, идейно и организационно окрепла, стала более сплоченной. Значит, главное сделано и ты можешь спокойно перейти на новое место, которое предлагает ЦК.